

И стали с

Пламя с

И стали они жить-поживать...

Светлана Багдерина
Пламя Сердца Земли

«ИП Стрельбицкий»

Багдерина С.

Пламя Сердца Земли / С. Багдерина — «ИП
Стрельбицкий», — (И стали они жить-поживать...)

Царь Костей с исполинским войском при поддержке Змея-Горыныча подступает к стенам Лукоморска. Как бы бесстрашны, упорны и изобретательны ни были защитники города, шансов выстоять против невиданной мощи волшебства и стали у них нет. Вернее, не было – пока в окошко дворца не влетел на Масдае его премудрие Агафоник Великолепный с подарком горных демонов в мешке, незаконченным высшим магическим образованием за душой и бесценной шпаргалкой в рукаве. Но даже с этими сокровищами современной магии исход осады остается под сомнением. Ведь судьба Лукоморска, его отважных защитников и даже всего Белого Света решается не под стенами столицы, а в далеком царстве Костей, в замке Костея, в Проклятой башне, куда попасть Ивану, Серафиме и Находке без приглашения хозяина замка нельзя никак...

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

28

Светлана Багдерина

Пламя Сердца Земли

*Пришла беда — затворяй ворота.
Лукоморская поговорка*

Первое заседание оборонного командования Лукоморья закончилось быстро и ничем.

Узнав о грядущем нашествии вражеских орд, поглядев на карту и померив расстояние от границы с Сабрумайским княжеством до Лукоморска пятерней, бояре пришли по очереди в шок, ужас, возбуждение, раж, и закончилось всё тяжелым случаем ура-патриотической лихорадки.

Боярин Никодим провозгласил, и все остальные, на мгновение задумавшись над альтернативой, его поддержали, о желании вести военные действия малой кровью на чужой земле. Но поскольку к предполагаемой дате нашествия собрать, снарядить и обучить хоть сколько-нибудь заметное войско для опережающего удара возможным никак не представлялось, порешили встретить захватчиков на границе и устроить им последний день Пнёмпеня.¹

Одинокий несогласный голос новоявленного князя Грановитого обкомом был показательно проигнорирован, главнокомандующий армии всея Лукоморья царь Симеон, поддавшись на этот раз общественному мнению, настаивать не стал, и высокородные разошлись с прямым поручением разработать в двухдневный срок и представить пред ясные очи план Костейской кампании.

Оставив Граненыча кипеть в пустом зале от бессильной злости.

Данила Гвоздев, сочувственно поморщившись и пожав плечами, отправился набирать добровольцев, а Митроха, путаясь с непривычки в полах шубы с царского плеча,² в самом черном из своих самых отвратительных настроений направился в библиотеку.

— Ах, Митрофан, Митрофан... — встретил его на пороге своей волшебной каморки в соседнем измерении Дионисий, горестно качая головой. — Можешь не рассказывать: я там был и все слышал... Как нехорошо... Как всё нехорошо... Почему бояре не хотят видеть очевидное? Врагов же больше, и они лучше обучены! На равнине они сомнут нашу армию, как горная лавина сминает и корежит редкие кусты! Даже я, библиотечный, не имеющий к военному делу никакого отношения, понимаю это! Почему не понимают они, воеводы?

Граненыч, успев немного успокоиться по дороге, с угрюмой физиономией молча скинул шубу в прихожей, прошел на кухню и сел за стол.

— Чаем напоишь, хозяин?

— Конечно, Митрофан, самовар только что вскипел. Тебе с мятой, с малиной, с кипреем, со смородиновым листом, с чабрецом?..

— Давай с мятой, — махнул рукой Граненыч. — Кстати, давно хотел тебя спросить, если не возражаешь...

— Да, спрашивай, — удивленно взглянул на друга хозяин библиотеки.

— Откуда ты всё это добро берешь? В библиотеке у тебя, вроде, трава не растет, на кухне до недавних пор книг твоих никаких не было, чтобы Путем Книги туда пройти...

— Долгая история, — заметно смутившись, опустил глаза тот.

¹ Что такое или кто такой Пнёмпень, бояре не знали, но звучало красиво, многозначительно и достаточно угрожающе.

² Шуба ранее принадлежала отцу старого царя, ибо в шубе с плеча самого Симеона запутаться мог разве что двенадцатилетний подросток. В шубе же Василия могли с комфортом поместиться шестеро таких, как Граненыч. «Второй случай за день», — озабоченно подумал Симеон, оглядывая нескладную фигуру, больше напоминающую огородное пугало, чем благородного князя. — «Не пора ли подумать об изобретении какого-нибудь другого знака отличия? Например, медали...»

— Ну долгая так долгая... — вздохнул князь Митроха, снова вспомнил о сегодняшнем совете и еще раз вздохнул — на этот раз более выразительно и по другому поводу, и его словно прорвало:

— Понимаю я их, бояр-то, по-человечески, что ни говори... Врага к себе домой своими руками пускать кому ж охота... Да только другого варианта ведь нет, Дионисий! Правильно ведь ты заметил: нам супротив них в чистом поле не выстоять. Один против пятерых, при неблагоприятном рельефе окружающего ландшафта — где это слыхано! Пусть ты герой и один троих положил, да четвертый и пятый тебя всё равно достанут!.. Да и мы про их войско ничего кроме того, что летучая женщина царицы Елены сказала, не знаем. Может, их еще больше! Или меньше... Вооружение у них какое? Конницы сколько? Тяжелой, легкой пехоты сколь? Припасов надолго ли запасено? Велик ли обоз? Есть ли осадные машины? Какие? Сколько? Даже если царь Симеон мой план одобрит, а не ихний, без разведки на врага идти — всё одно, что слепому драться, как говорил генералиссимус Карто-Бито, это же и царю понятно!.. Должно быть. Наверное.

— А если разведчиков послать?.. — нерешительно предложил свежий тактический ход Дионисий, захваченный рассуждениями Граненыча, позабыв про медленно остывающий в самоваре чай.

— Можно и послать. Но это ведь сколько дней пути туда, да пока они эту армию найдут, да если враг их не схватит, да пока обратно доберутся...

— М-да... — невесело подпер рукой подбородок библиотечный, и голубые глаза за толстыми стеклами его очков печально заморгали. — Так ведь еще и неизвестно, кто первый до Лукоморья доберется — они или супостаты...

— Вот и я о том же... — сам того не замечая, скопировал его позу Митроха и мрачно уставился на рукомойник в углу невидящим взглядом.

Тяжелая атмосфера, воцарившаяся на кухне, давила, словно небо, упавшее на землю. Холодный чай был рассеянно разлит по чашкам и выпит без комментариев, печенья и аппетита, сухо тикали часы на стене, нарезая время на секунды, деловито возилась где-то под полом мышь, а они всё сидели и угрюмо смотрели куда-то в вечность.

И вдруг невеселое молчание было без предупреждения прервано Дионисием: он то ли вздохнул, то ли ахнул, глаза его широко распахнулись и застыли, а ладонь руки, так печально подпиравшей подбородок еще секунду назад, взмыла вверх и со всего маху шлепнула по столу.

Пустые чашки и Граненыч подскочили одновременно.

— Ты чег...

— Я придумал!!! — радостно улыбаясь от уха до уха, вскричал библиотечный и со всей дури затарабанил маленькой ладошкой по столу.

На этот раз испугались только чашки: князь Грановитый оказался морально готов к такой нехарактерной форме проявления эмоций в своем сдержанном обычно друге.

— Чего придумал-то? — только повторил он, надеясь, что смысл вопроса, наконец, дойдет до библиотечного, и он прекратит изъясняться странными жестами и начнет говорить на человеческом языке.

— Придумал, как вызнать всё про армию Костя, конечно!

— И как же?

— Надо попросить Кракова! — сияя, как начищенный пятак, объявил хозяин библиотеки и победно воззрился на Митроху, будто ожидая оваций и криков «браво!».

К его удивлению, ни того, ни другого не последовало.

— Кого-кого?.. — было единственной реакцией Граненыча.

— А разве я никогда не упоминал Кракова?.. — растерянно захлопал ресницами Дионисий. — Ох, прошу прощения великодушно... Краков — это ворон. Обычно он относит мои рукописи в издательство, приносит авторские экземпляры и гонорар...

— А на что ты тратишь гонорар, ежели не секрет, конечно? — не удержался от любопытства Граненых.

— Естественно, на книги! — довольно улыбнулся библиотечный и продолжил: — Надо пригласить Кракова, объяснить ему наше непростое положение, попросить отыскать армию царства Костей и всё про нее разузнать! Вообще-то я его давненько не видел, даже мысли нехорошие в голову закрадываться начали уже было... Но вчера вечером он прилетел повидаться и сказал, что у него было сломано крыло, а теперь все в порядке, и он снова может летать!

— А он согласится? — апатия и уныние, словно осенние листья под напором урагана, слетели с благородного князя, и он загорелся новой идеей.

— Если попрошу я — то может быть...

— А чтобы наверняка?

— Чтобы наверняка, то должна попросить Обериха.

Кажется, это называется дежа-вю.

— Кто-кто?..

— Понимаешь, Митрофан, в жизни каждого человека... или представителя древнего народа, каковым являюсь я... всегда существует одна женщина, — сбивчиво заговорил библиотечный, — которая, как бы тебе ни было плохо и трудно, непременно поймет тебя, почувствует от всей души... пожалеет так, что на сердце станет тепло и радостно, как бурной весной... Она поможет, не прося ничего взамен, поддержит, даже не спрашивая, нужно ли тебе это, так как прочтет всё в твоих глазах, приласкает, как солнышко в ненастье... И эта женщина...

— Да?..

— Эта женщина...

— Да?..

— Эта женщина — бабушка... — смущенно закончил хозяин библиотеки панегирик любимой.

— Твоя бабушка — дворовая? — нерешительно предположил Митроха после непродолжительного молчания, наполненного созерцанием. — Или как это называется у вас?..

— Моя бабушка — лешаиха! — с гордостью и нежностью ответил Дионисий, и глаза его под очками увлажнились.

Старая Обериха жила в самом дальнем уголке дворцового парка, там, где кончался тонкий налет цивилизации и начиналась настоящая глушь и дичь. Деревья и кусты, будто чуя защиту и заботу лешаихи, старались расти именно здесь, и среди них даже разворачивалась нешуточная конкуренция. Проигравшие экземпляры владели жалкое существование, обрезаемые и подпиливаемые недрогнувшей рукой садовника по его или царской прихоти, в то время как преуспевшие в межвидовой борьбе образцы блаженствовали и процветали на неприступных для внешнего мира десяти сотках.

Не одно поколение садовников и их подручных, видя в существовании такого нетронутого уголка дикой природы личное и смертельное для себя оскорбление, вооружались пилами, ножовками, топорами и ведрами с садовым варом и побелкой, и с отвагой и беспечностью невежества выступали в поход против оберихиных палестин...

Назад возвращались немногие.

По крайней мере, в тот же день.

Остальных — без инструмента, шапок, сапог и большей части рассудка, с шальными глазами и несвязными речами, находили через неделю-другую — как правило, случайно.

Дрожа и пристукивая зубами, местами подвывая от пережитого ужаса, они наперебой рассказывали, как столько дней подряд водил их по бурелому через тайгу проклятый леший, а когда им ненавязчиво напоминали об истинном размере поросшего деревьями участка, начинали безумно хохотать.

После таких происшествий не поддающийся облагораживанию медвежий угол, как прозвали его во дворце, несмотря на полное отсутствие в нем медведей, надолго оставляли в покое.

Пока не приходил на государеву службу новый садовник, и все не начиналось с самого начала...

Некоторые, особо суеверные, поговаривали, что заросли эти заколдованы, так как их не тронул даже пожар, который разразился одной засушливой летней ночью несколько лет назад по неизвестной причине и погубил одним махом весь так тщательно лелеемый сад подчистую. Ревущий огонь, пожравший, не подавившись, всю культурную растительность, скамьи, беседки, статуи, садовый инвентарь, беспечно оставленные коротать ночь под звездами садовниками, и даже фонтанами, остановился у диких зарослей, словно налетел на железный занавес, нерешительно потоптался на месте и с пристыженными извинениями потух.

Популярности это событие несговорчивой лесополосе не добавило, но ныне здравствующее поколение работников секатора и лейки укрепилось в уверенности, что лучше обходить ее стороной.

Вот к такому замечательному уголку дворцового парка и прибыли в самом начале ранних осенних сумерек полный надежд князь Грановитый и нервно оглядывающийся по сторонам хозяин библиотеки.

— Ты кого-то боишься, что ли? — не выдержал Граненыч, когда они были уже почти у цели.

— Я?... Нет, чего мне здесь бояться... Просто... с тех пор, как я ушел жить в библиотеку... я никогда не выходил на улицу. И небольшой приступ агорафобии — именно то, чего и следовало ожидать после стольких лет добровольного затворничества.

— Скольких лет? — полюбопытствовал Митроха.

— Столько не живут, — отмахнулся Дионисий и сделал решительный шаг вперед, в спутанные, словно давно нечесанные волосы неряхи, заросли орешника. — Но я твердо заявляю, что тебе тут опасаться нечего. Здесь нет ничего, что могло бы повредить тебе, пока я с тобой. Пойдем скорее. Мне так не терпится...

На улице еще разливался пепельный вечерний свет, но едва хлесткие ветки сомкнулись за спиной, как друзей окружила непроглядная тьма, как черная удушливая перина, отрезавшая не только закат, но и все звуки большого города, готовящегося ко сну. Кроме шуршания сухой травы под ногами и шороха раздвигаемых ими ветвей до них не доносилось теперь ни единого звука.

— Куда сейчас? — несколько тише, чем собирался, проговорил Граненыч.

— Не помню... — так же тихо и растерянно ответил библиотечный.

— Я думал, она тебя встретит.

— Может, она уже спит?

— В такую рань?

— Середина октября, — пожал невидимыми плечами Дионисий.

— И что ты предлагаешь?

— Давай пройдем еще — не исключено, что после неспешной прогулки по заповедным местам, бывшим мне когда-то вторым домом, я смогу вызвать в своей памяти местонахождение ее... ее...

Настороженная, но безобидная до сих пор тьма неожиданно вздохнула, зашевелилась, приобрела глубину и обдала пришельцев липким сырým воздухом с привкусом гнили.

— Так куда идти-то, говоришь? — произвольно пожившись, не слишком любезно посмотрел на друга Граненыч.

— К-кажется... туда, — определился библиотечный и уверенно двинулся вперед, рас-секая маленьким плечиком недовольно заскрипевшие заросли и увлекая за собой Митроху.

Тьма, кажется, опешила от такого нахальства, удивленно отпрянула, мелькнув на секунду мелкими звездочками над головой, но этим проявление ее слабости на сегодняшний вечер и окончилось. Мрак взвился из-под самых ног чернильными клубами, и они очутились в самой полной и непроглядной мгле, какую только могла породить защитная магия залегшей на зимовку старой лешахи.

Граненыч инстинктивно остановился и осторожно протянул руку вправо, где в последний раз видел Дионисия, но вместо теплого плеча друга пальцы его сомкнулись на чем-то холодном, жестком и мокром.

Вокруг его запястья быстро, со свистом, обвилось нечто. Он дернулся было, но тут же замер: скорее он бы остался без конечности, чем поддались бы те невидимые, но цепкие силки, в которые он угодил.

— Дионисий?.. — нервно позвал он, но слова, едва срываясь с губ, растворялись в промозглом холоде без остатка, не долетая даже до его собственных ушей. — Дионисий!..

Митроха замер. Что-то или кто-то проворно обнял железной хваткой его вторую руку, обе ноги и теперь принялся за талию.³

— Отпусти, окаанный!.. — отчаянно рванулся он, как муха, запутавшаяся в паутине, но кроме ощущения того, что, так и не найдя талию, незримый враг решил обмотать своими удавками его тело целиком, другого результата не было.

Свободной оставалась только шея.

Ой, сглазил...

Кто-то или что-то мягкое ударило его под коленки, и если бы не прочные, словно железные, растяжки, не позволявшие ему и шевельнуться, он бы свалился в траву, скрывавшую, как мины, перестоявшие склизкие грибы.

Но это что-то не отступало и не сдавалось: оно возилось у него под ногами, пинаясь и брыкаясь что было сил, и несколько раз весьма чувствительно угодило прямо по косточке на правой ноге.

— Дионисий?.. — попробовал еще раз Граненыч, и звук, вырвавшийся из его сжатого страхом и неторопливой, но эффективной удавкой, горла был настолько слабым и сиплым, что не разбудил бы даже спящего зайца. — Дионисий!!!..

— Ба...буш...ка... — едва слышно донеслось откуда-то из района его правого колена то ли агонизирующее шипение, то ли предсмертный сип.⁴

И через долгую, как столетие, секунду снова:

— Ба...буш...ка!..

Тьма как будто прислушалась, стала осязаемой, настороженной, сонно-недовольной.

— Ба-буш-ка!!!.. — прохрипел хозяин библиотеки, кашляя и задыхаясь. — Это я... Дио... то есть, Непруха!.. Помогите мне!.. нам!.. Скорее!.. Ба!!!..

Темнота на мгновение замерла, потом недоверчиво заворочалась, закричала и стала редеть. Проступили смутные очертания деревьев, кустов, странных коряг и причудливых узловатых корней, волнами выпирающих из отжившей свое лето травы...

³ Хотя с этим у противника могли возникнуть непредвиденные проблемы, с которыми уже успел столкнуться придворный портной вчера вечером: «Сорок три на сорок три на сорок три — где будем талию делать?»

⁴ Разница исключительно академическая.

Сонный лес зашумел, затряс ветвями, словно человек, не верящий своим глазам — головой, и из самого бурелома выступила сутулая простоволосая старуха двухметрового роста, в длинной пестрой рубаше из бересты, в лыковых лаптях на босу ногу и с толстой корявой веткой в тощей жилистой руке.

— Это кто еще тут на зиму глядя разорался? Вот я вас сейчас, крикунов-то, по горбу батогом-то вытяну, будете знать, как...

— Бабушка!.. Это же я!.. Непруха!..

Круглые совиные очи на морщинистом, как древесная кора, землистом лице старухи вытаращились и стали еще круглее, палка выпала из ее руки, а в лесу словно вспыхнуло солнышко.

— Непруха!.. Постреленок!.. Оголец!.. Нешто вернулся!.. Бросил свои книжки!.. Ай да молодец! — лешачиха взмахнула тощими руками, как неведомая экзотическая птица, и в восторге захлопала себя по бедрам.

— Ба?.. — хозяин библиотеки вопросительно поднял на нее глаза с уровня Митрохиных лодыжек, плотно замотанный в несколько витков корней, словно гусеница неведомой породы.

— Ой, извини, милоч!.. — и Обериха хлопнула в ладоши.

Раздался сухой звонкий звук, словно ударились друг о друга две дощечки, и корни, оплетавшие библиотечного, испарились.

— А моего друга? — капризно нахмурился Дионисий.

— Этого, что ли? — подозрительно уставилась на Митроху старуха.

— Этого, — непреклонно подтвердил библиотечный. — Я познакомлю вас сразу, как только ты его освободишь.

— Ну смотри, внучок, — неодобрительно покачала головой лешачиха, не сводя глаз с Граненыча, но свой трюк с хлопком повторила.

И Митрофан, вмиг лишившись опоры, обрушился на землю, траву и грибы.

Хозяин библиотеки поспешил подать ему руку, но лучше бы он поискал ему новую пару ног: эти после устроенной им лешачихой встречи к использованию в течение еще как минимум четверти часа явно не годились.

— Позвольте вас представить, — церемонно проговорил библиотечный, решивший, в конце концов, не мучить князя и оставить его в сидячем положении на несколько минут, — мой лучший друг, читатель моей библиотеки Митрофан Гаврилыч.

— Митрошка, значит, — все еще настороженно проскрипела старуха и снова обрушила водопад своего внимания на любимого внука. — Ну, если он и впрямь тебе приятель...

— Единственный друг, — упрямо поправил бабушку библиотечный.

— Ага... он так друг... А я тебе теперь — кошкин хвост... Вспоминаешь только когда надоть чего... Совсем в своей бильбивотеке одичал! Говорила ж я тебе: книжки до добра тебя не доведут, не нашего это ума дело, не нашего!..

— Ну не обижайся, бабушка, — шагнул к ней Дионисий и нежно обнял за коленки. — Где бы я ни жил и чем бы ни занимался, ты же знаешь, что я тебя люблю больше всех и горжусь тобой. И я никогда не забуду, кто украл для меня из сумки учителя маленькой царевны мой первый букварь. А ты?

— Лучше б я из его сумки розги тебе тогда вытащила — пользы гораздо больше было бы, чует мое сердце, — брюзгливо проворчала лешачиха, но и Граненычу было видно, что она растаяла.

— Бабушка, бабушка... — блаженно полуприкрыв глаза и улыбаясь, Дионисий вдыхал с детства знакомый октябрьский аромат сонного леса, поникших трав, сырости и поздних грибов. — Как я по тебе скучал...

— Лиса-подлиза хитрая, — беззлобно пробурчала Обериха, наклонилась и обхватила блудного внука обеими сучковатыми руками. — Ишь, бабушкин сынок...

Она любовно взъерошила волосы Дионисия, невзначай смахнув с него велюровый берет с павлиньим пером, и развела руками:

— Ну, коли пришли гости дорогие по делу — проходите в избу, не стойте просто так. В ногах правды нет.

И будто по мановению волшебной палочки среди буйства невожатой растительности проступила, словно на детской картинке, где среди неразберихи и путаницы надо отыскать нечто, скрытое художником, приземистая, крытая зеленым бархатистым мхом избушка, сложенная из поросших лишайником черных от времени и дождей бревен.

Обериха взяла их обоих за руки и сделала шаг прямо в стену. Но не успел Митроха испугаться или хотя бы зажмуриться, как они оказались внутри.

— Ну-ка, давай-ка, проходи, проходи, располагайся, как дома будь, сорви-голова!.. — нежно улыбнулась в морщинки лешаиха.

Граненыч примерил последний эпитет к рассудительному, интеллигентному хозяину библиотеки и щеки его мгновенно надулись, как подушки безопасности в царской карете.⁵

— А у тебя все по-прежнему... — Дионисий обвел затуманившимся от нахлынувших воспоминаний взглядом бабкину хороминку и расплылся в счастливой улыбке. — Уютно и тепло...

«Без окон, без дверей — полна горница людей», — усмехнулся про себя Граненыч, пристраиваясь у стола на лавке из нескольких тонких стволиков осины, перетянутых лозой и уложенных на дубовых козлах. — «Это про нас».

Рядом с ним расположился библиотечный, при появлении на столе большущей чашки со свежей земляникой окончательно позабывший о цели их визита. Напротив них, подперев острый подбородок корявой рукой, сидела, не сводя зеленых, как весенняя трава, глаз с любимого внука, Обериха.

Граненыч в основном налегал на орехи, запивая их вкусной ключевой водой из большой берестяной кружки, и горка скорлупы росла перед ним едва ли не быстрее, чем пустела тарелка с земляникой перед его другом.

— Ну что, гостеньки, насытились ли? — скрипучим, как лес на ветру, голосом полюбопытствовала лешаиха, когда опустели все тарелки, блюда и кружки. — Не хотите ли еще чего?

— Нет, премного благодарствуем за угощение, матушка, — солидно ответил Митроха. Дионисий согласно кивнул.

— Ну тогда, внучок, рассказывай, зачем пожаловали к старой Оберихе.

Дионисий вернулся с неба уплывшего в незапамятные времена детства на землю тревожной предвоенной поры, вздохнул, откашлялся и приступил к изложению их с Граненычем просьбы.

— Значит, говоришь, царь иноземной державы идет нас воевать? — задумчиво переспросила Обериха когда он закончил свое невеселое повествование, и оба гостя ретиво закивали.

— И не просто царь, а злобный колдун, каких еще свет не видывал, — уточнил хозяин библиотеки.

— А диспозиция его расположения и материально-техническое обеспечение, что значит направление движения и сила, нам неведомы, — озабоченно и важно добавил Граненыч.

⁵ Какое бы впечатление на него ни произвело приветствие Оберихи, но даже он понимал, что самое безопасное пока для него — не расхохотаться.

— Ну, про эту... позицию... дис... я не знаю, а про направление движения я вам хоть сейчас сказать могу, — хмыкнула старуха. — Он пойдет по новой Сабрумайской дороге, потому что не по лесу же напрямки ему с войском переть, а на старой Сабрумайской дороге и две косули не разойдутся, не то что армия, да и петляет эта дорога не хуже тех же косуль, когда они от волков спасаются.

— А вы откуда знаете? — захолопал глазами князь Митроха.

— Откудоть... — усмехнулась лешачиха. — Оттудоть и знаем, что сама я из тех местов родом буду.

— А что же ты тогда здесь делаешь, бабушка? — глаза Дионисия, и без того огромные под стеклами его круглых очков в пол-лица, увеличились еще больше.

— Долгая история, Непруха, — отмахнулась лешачиха. — Когда-нибудь в следующий раз в гости придешь — может, и расскажу, если в духах буду. А пока неохота. Да и не до того сейчас, я так понимаю. Ты ж не к книжникам своим слетать у меня Кракова просишь, а?

— Да, бабушка. Нам очень надо, чтобы он отыскал армию Костея, все высмотрел и поскорее к нам вернулся с докладом.

— А когда расскажет он вам, как да куда да сколько, и что вы делать потом будете? — хитро прищурившись, полюбопытствовала старуха.

— У меня на этот случай уже план в голове растет, — важно поднял палец к бревенчатому в два наката потолку Митроха. — Во-первых, если он действительно по той дороге пойдет, надо деревни предупреждать, чтоб ни люди, ни припасы ему не достались. Во-вторых, скорей артели туда послать, засеки рубить, чтоб его армия точно в сторону не свернула и бед не натворила, где ее не ждут. В-третьих, других рубщиков да охотников надо снаряжать — вдоль дороги ловушки ставить, чтобы их продвижение замедлить — у нас ведь к осаде конь не валялся: во рву пьяный воробей не утонет, ни камней нет, ни смолы, ни масла, ни котлов, а боевую технику поди еще сто лет назад древоточец доел!.. А стена вон вокруг Соколовской слободы даром что от новой Сабрумайской дороги недалеко, так и до половины не достроена, а сейчас где людей столько взять, чтоб все успеть! А еще ведь есть земляные работы!..

Если бы не в доме, Граненыч плюнул бы в сердцах, а так только сухоньким кулачком по столу пристукнул, и слово непечатное под нос пробормотал.

Лешачиха как-то странно поглядела на него, склонив лохматую голову на бок, и нетопливо перевела непроницаемый взгляд на внука.

— А ты чего скажешь, Непруха? Так ли страшен этот царь костяной, как вы его расписали, или это вы меня напугать хотите, чтоб я вам ворона отдала?

— Пугать — не по нашей части, матушка, — припомнил теплый прием, оказанный им Оберихой, и решил, наконец, слегка обидеться Граненыч.

Польщенная лешачиха кокетливо потупилась.

— Что мы тебе рассказали, бабушка, так это даже не цветочки — бутончики, — насутился Дионисий и сплел пальцы в замок. — Неужели ты нам не веришь? Если у него такой помощник был, то каков он сам!.. Готов поставить на кон всю мою библиотеку, что если мы не сможем дать ему достойный отпор, то плохо будет всем, и не только людям. И если ты не дашь нам Кракова, то мы не сможем...

— Да не гоношись ты, не гоношись, — сделав вид, что рассердилась, прищипнула на него Обериха, и библиотечный, не договорив фразу, послушно замолчал.

— Послушай теперь, что я тебе скажу, — буравя пронзительным зеленым взглядом внука, заговорила она. — Кракова я вам даю безо всяких разговоров...

— Спасибо, бабушка!..

— Но перед тем как лететь для вас Костеево войско вынюхивать, он по дороге заскочит к хозяйке леса, по которому новая Сабрумайская дорога проходит. Да и старая тоже. А ты,

мил человек, — вперилась она цепко в Граненыча, и он под ее взглядом почувствовал себя амёбой под мелкоскопом знахаря, — ты за ночь эту продумай всё хорошо, что в том лесу надо делать — ловушки там, или еще чего выдумаешь — и утром Кракову растолкуешь понятно, чтобы он мог все без запинки той хозяйке передать. И тогда людей тебе только к своим крестьянам посылать придется — об остальном не беспокойся.

— К хозяйке леса?!.. — только и смог проговорить изумленный Граненыч.

— К самой старой лешачихе, — неверно истолковала его удивление и милостиво пояснила старуха. — Обдерихе.

— Но, бабушка... вдруг она не захочет... не будет слушать... — привстал Дионисий.

— Захочет и будет, куда она, голуба, денется, — зубасто ухмыльнулась Обериха.

— А если она тоже уже спит?

— Проснется.

— Но почему ты в этом так уверена?

— Она же моя сестра, милочка. И за ней числится должок.

— Но если она... — Митроха мгновение поколебался, выбирая вариант поделikatнее и продолжил: — ...забыла о нем, к примеру?

На этот раз лешачиха всё поняла правильно.

— Это у вас, у людей: хочу — помню, хочу — к лешему пошлю, — снисходительно фыркнула она, и в избушке запахло дегтем. — А у нас, у древнего народа, всё по-честному. Так что будут тебе, мил человек князь Митроха, и засеки, и ловушки. Это я тебе обещаю.

Заседание оборонного командования Лукоморья под председательством и командованием самого царя Симеона было в самом разгаре.

На повестке дня стоял план отпора агрессору — первый и единственный.

— ...И разобьем супостата в пух и прах у самой границы, тем славу снискаша, и главы наши, ежели нужда будет, сложиша. Все как один поляжем, а ноге вражьей по лукоморской земле не ступать! Чужой земли мы не хотим ни пяди, но и своей вершка не отдадим! — грозно сдвинув мохнатые брови и отложив в сторону шпалгалку, высокопарно закончил речь боярин Никодим и так припечатал карту к столу своим пудовым кулаком, что перепуганно дзенькнули стекла в книжных шкафах у стены, а царь Симеон подпрыгнул на своем военнополовом троне и схватился за сердце.

Обком в составе трех десятков думных бояр одобрительно переглянулось и согласно задвигало бородами: речь была зажигательная, толковая, глашатаи на лозунги вмиг растаскают — как пить дать. Хватит, натерпелись оккупантов. Драться надо. Как отцы и деды наши наказывали. Живота не щадя ни своего, ни вражьего.

— Так значит, ты, боярин Никодим, предлагаешь встретить Костеево войско у границы с Сабрумайским княжеством и сразу дать бой? — переспросил царь, задумчиво разглядывая принесенную боярином карту, старательно исчерченную гнутыми толстыми красными и чахлыми синими стрелами и испещренную многочисленными, тщательно прорисованными фигурками лукоморских пехотинцев и конников, доблестно поражающих всеми доступными подручными средствами корявые черные загогулины — врага.

— Истину глаголешь, царь-батюшка, — прогудел Никодим по инерции на старолукоморском. — И если будет мне от тебя доверие, я самолично впереди на белом коне с мечом в руках, как все Труворовичи — верные государевы слуги — до меня, дружины наши на смертный бой поведу!

— Самолично, говоришь... — Симеон сдвинул корону набекрень и почесал за левым ухом. — А тебя не смущает, что у нас войска в десять раз меньше, чем у Костея?

— Зато через свою отвагу и любовь к Лукоморью-батюшке любой из них в сече за пятерых сойдет!

Царь с сомнением уставился на карту, повернул голову и так и эдак, рассматривая иероглифы военного искусства, и, наконец, медленно опустил голову на грудь.

Авторы плана — бояре Демьян, Евсей, Никифор и Феофан во главе с небезызвестным уже Никодимом предпочли расценить этот жест как кивок согласия и оживленно загомонили, поздравляя друг друга с первой победой.

— Ну что же... План твой, по-моему, хорош... — все еще не решаясь высказать окончательное одобрение и тем подписать себе приговор в истории, не спеша проговорил Симеон и обвел близоруким взглядом военный совет, подолгу останавливаясь на каждом, словно ожидал увидеть кого-то, и никак не мог его найти среди знакомых лиц. — И если возражений ни у кого не будет...

Бояре, не вовлеченные в разработку плана, снова переглянулись и пожали плечами: какие уж тут возражения. План, конечно, не без греха, но другого за три дня и не придумаешь, время не ждет, и не на священную же лукоморскую землю костееву орду пускать!.. Тем более если что — вот они, авторы-полководцы, их и побьем всем миром, ежели живы останутся...

— Не будет у нас возражений супротив плана Никодима Ивановича, царь-батюшка, — изрек один за всех самый старый боярин Анисим.

— Значит, будем считать, что план мы твой, боярин Никодим...

— Погодим принимать!..

Двери палаты совещаний с грохотом распахнулись, и под древние своды ввалилась топорщащаяся и яростно хрустящая куча огромных свитков, рулонов, кипа фолиантов и гора рукописей и решительной поступью двинулась к столу.

Наткнувшись на него, передвижной букинистический магазин, поглотивший ранее лавку культоваров, остановился. Из бумажно-пергаментных дебрей выросла рука, ощупала покрытую картой боярина Никодима столешницу, и ворох секретных материалов рассыпался перед носом изумленных бояр, растекаясь по столу бело-желтой шуршащей рекой.

А во главе стола, напротив царя, осталась стоять длинная худая фигура в зеленом бархатном кафтане с измазанной разноцветными чернилами физиономией и с пучком пестрых перьев за оттопыренными ушами.

— О!.. Чингачгук — Большой Змей!.. — вырвалось у кого-то, и оборонное командование грохнуло смехом.

— Граненыч... — с облегчением вздохнул и позволил себе улыбнуться Симеон. — А мы тебя потеряли...

— Ага, потеряли...

Сумрачный взгляд Никодима недвусмысленно говорил то, что поостереглись сказать благоразумные губы: «Плохо потеряли, надо было лучше».

— Ты, кажется, что-то приготовил нам показать, Граненыч? — с любопытством и надеждой привстал со своего трона царь и потянулся к подкатившемуся чуть ли не к его груди испisanному с обеих сторон свитку.

— А чего там показывать, — презрительно пробасил Никодим, брезгливо отодвигая от себя ветхий том в порыжевшем от времени потертом кожаном переплете, — опоздал ты, Митрофан, со своей макулатурой. План кампании мы только что приняли.

— Лукавишь, боярин, — строго погрозил Никодиму Митроха тощим узловатым пальцем. — Али боишься, что лучшее враг хорошему?

Оставив Никодима со сведенными к переносице глазами размышлять над афоризмом фельдмаршала Блицкригера, бывший истопник проворно навел порядок на поле бумажного боя, раскатал и прижал по углам книжками карты, расправил схемы, развернул таблицы, извлек из-за пояса засунутую в пустые ножны указку и солидно откашлялся в кулак.

— Начать я хочу с того, царь-батюшка и господа думные бояре, что видел я план вот этого вот... — он прервал речь, чтобы коротко кивнуть в сторону наливающегося пунцовой краской Никодима, — боярина... и признаю его хорошим...

Недоуменное бормотание пронеслось по рядам собравшихся.

— ...если бы не несколько ма-ахоньких шероховатостей.

— И каких же? — стрельнув на поражение глазами сквозь прищуренные веки-бойницы, с подозрением поинтересовался Демьян.

— Махоньких, говорю же, — с доброй укоризной, как терпеливый учитель на невнимательного школяра, глянул на него Митроха. — Вот, к примеру. Граница с Сабрумайским княжеством проходит у нас по Бабушкиному лесу. Лес их, а поля уже наши. Боярин Никодим и иже с ним предлагают встретить костеево войско в чистом поле лоб в лоб, и говорят, что один лукоморский ратник пятерых костеевых стоит.

— А ты что ж, Митрофан, в нашего лукоморского солдата не веришь? — испытующе прищурился боярин Никифор. — Что он любого врага побьет?

— А я вот тебе, боярин, встречный вопрос задам, — продирижировал указательным пальцем перед носом обиженного боярина Граненыч. — Ты у нас фигурой не слабый, ведь так?

— Да уж не обойден, — не догадываясь, к чему клонит оппонент, уклончиво, но гордо ответил тот.

— Так вот, ежели на тебя сейчас пятеро амбалов навалятся, таких же, как ты, сбоку, сзади, со всех сторон одновременно, побьешь ты их?

— Н-ну... — неуверенно замычал Никодим.

— А ежели в их пользу еще колдун пошепчет?

— Н-ну-у-у... — мычание сошло на нет.

— А ведь я в тебя верил, — разочарованно вздохнул и поджал губы Митроха и шутовски подмигнул царю.

— Да я костями лягу!.. — поняв, к чему идет дело, взвился Никодим, но Граненыч оперся о столешницу обеими руками и подался ему навстречу.

— А какая нам будет польза с твоих костей, боярин, ежели враг по ним к беззащитным землям да к столице вприскочку пойдет, а?

Никодим, красный и злой от бессилия, прорычал что-то нечленораздельное и бухнулся на свое место между посрамленными оптом союзниками.

— А погоди, Митрофан Гаврилыч, — непонимающе захлопал глазами царь. — Ты ж только что сам сказал, что план Никодима Ивановича хорош. Так чем же?..

— Нарисован шибко красиво, — проникновенно качнул головой Граненыч.

Никодим зашипел, словно кружка масла, выплеснутая на раскаленную сковородку.

— Ну а твой план кампании в чем заключается, князь? — с любопытством подпер подбородок кулаком Симеон и приготовился слушать.

— И если тебе колдун пошепчет, ты что делать будешь? — не преминул ехидно поинтересоваться боярин Евсей.

Граненыч взял наизготовку длинную деревянную указку, выстроганную специально для такой оказии этой ночью в перерывах между разработкой плана обороны Лукоморья и нанесением его — впервые в жизни! — не на слой пыли на столе, а на настоящую бумагу, аж по десять копеек за рулон! — и лицо его приняло торжественно-серьезное выражение.

— Дионисий, выходи к людям, — махнул он свободной рукой, и из стены со стороны книжного шкафа выступил под пораженные ахи и охи высокородных невысокий человечек в диковинном платье, берете со страусовым пером и огромных, на пол-лица, очках.

Скрывающих разноцветные чернильные полосы на щеках.

— Вот, разрешите представить, — Граненыч степенно указал рукой на прибывшего таким удивительным способом соавтора своего плана, — Дионисий, хозяин дворцовой библиотеки. Он будет отвечать за взаимодействие с древним народом Лукоморья.

Все, включая царя, непонимающе уставились на него.

— Лешими, водяными, домовыми, — как нечто само собой разумеющееся пояснил Митроха, и аудитория смогла только сморгнуть.

А в это время библиотечный снял берет и с достоинством раскланялся.

— Польщен столь высокой честью — присутствовать и вещать в благородном обществе харизматичных представителей самых древних родов Лукоморья, столпов нашей государственности, опор благополучия страны и ее процветания, на коих зиждется связь времен и преемственность поколений, — обратился он к боярам, закончив поклон, и харизматичные опоры и столпы онемели от присутствия в своем благородном обществе существа, которое могло без запинки выговорить такие слова, ни разу не заглянув в спасительную бумажку.

Пока бояре, менее привычные к манере общения маленького библиотечного, приходили в себя, царь подтянул к себе одну из карт, ту, что была побольше и изображала план Лукоморска и ближайших окрестностей — и углубился в ее изучение.

До обкома долетали только разрозненные междометия и комментарии.

— Хм... Хм... Ха... Ишь ты, как придумал... Хм... И тут так... Угу... Угу... Ага... Не-ет, а тут купцы не согласятся... хотя кто их будет спрашивать?... Хитро, хитро-о...

Рассмотрев всю карту вдоль и поперек несколько раз, Симеон поднял сосредоточенный взгляд на собравшихся родовитых, нашел в череде бородатых лиц нужное ему, прищурился задумчиво и обратился:

— А скажи мне, боярин Демьян... Помнишь, мы тебе поручали полгода назад Сабрумайскую дорогу вымостить?

— Помню, царь-батюшка, как не помнить, — с готовностью вскочил с места Демьян и поклонился царю.

— И что — вымостили твои молодцы ее, али нет?

— Вымостили, царь-батюшка, вымостили.

— Всю вымостили?

— Всю вымостили, всю.

Царь досадливо поморщился.

— Так вот не надо было всю-то мостить!

Боярин хитро ухмыльнулся.

— А мы и не всю вымостили.

— Так вообще не надо было мостить!..

Вид у Демьяна был такой, как будто он выиграл в лото мешок трюфелей.

— А мы и не мостили!

Дождавшись, пока аудитория снова будет в состоянии адекватно воспринимать человеческую речь, Симеон строго постучал карандашом о кубок на своем конце стола, и в зал совещаний нехотя вернулась тишина.

— А теперь мы с Дионисием изложим вам свою диспозицию... — сухо, по-деловому проговорил князь Граненыч, разворачивая все карты на столе.

Стук в дверь личных палат новоявленного князя, которые были отведены ему во дворце, чтобы он на время Костейской кампании всегда был под рукой у главнокомандующего, оторвал его от вычерчивания схемы линий обороны города.

— Заходите, не заперто! — громко буркнул он и снова уткнулся было в карту: ему предстояло решить очень важный вопрос распределения регулярного войска и ополчения по стенам в соответствии со степенью вероятности штурма этого направления.

Пока получалось не очень: направлений и степеней было гораздо больше, чем солдат и ополченцев, и поэтому Митроха был далеко не в самом лучшем из своих настроений.

— Э-э... кум? — не дождавшись более знаков внимания от хозяина палат, нерешительно топтался у порога вошедший. — Не сильно помешаю?

— А-а... Твое полковничество... — улыбнулся Граненыч и оторвался от работы. — Ну, проходи, коль пришел. Сказывай, что опять случилось. Семиручко мечи без подписи царя не выдает? Дружинники стрельбище для твоих орлов освобождать не хотят? Или обеды опять холодными привозят?

— Да нет, кум... светлый князь, то есть...

— Ты еще поклониться забыл, — сурово нахмурился Митроха, но, увидев, что бывший шорник принял его шутку за чистую монету, поспешно вскочил: — Ты чего, Данила, совсем в этом дворце с ума спятил?! Ручку еще почеломкай!.. И ты мне это «сиятельство» да «светлость» брось, коли поругаться со мной не хочешь! Мало того, что лакеи со своей опекой пристают — скоро ложку сам до рта донести не смогу без них — так еще ты туда же!..

— Дак это... звиняй, Митрофан... С этими атикетами тут и вправду мозга за мозгу у нормального человека зайдет... Это ведь тебе не по нашей Соловьевке в лаптях на босу ногу рассекать: тут же князей как грязей, да графьев — как воробьев! И все на тебя косятся, как на врага народа, ежели не по положенному с ними обойдешься... Эх, жил шорником — не тужил, а тут на тебе — под старость лет в благородные попал... Со свиным-то рылом...

— Не обращай внимания, — сердито отмахнулся Митроха, не понаслышке знакомый с Данилиными трудностями. — Они сами по себе, а ты — сам с усам, и твое рыло ихних ничем не хуже. Делай свое дело, и всё тут.

— Да ты не подумай, кум, я ведь не жалиться к тебе пришел, — спохватился смущенный Данила и стал вытаскивать из-за пазухи сложенный вчетверо потрепанный, местами прожженный лист самой дешевой бумаги, какую только можно было купить в Лукоморске. — Я ведь по делу.

— Ну так к столу иди, раз по делу, — и Граненыч с грохотом пододвинул к почти не видному из-под бумаг и карт столу тяжелый дубовый стул с вырезанным на изогнутой спинке государственным гербом.⁶

— Да стол-то мне и не надо... вроде... или как?.. ай, ладно, — махнул дрожащею рукой заробевший вдруг перед родственником шорник и хлопнулся на предложенный стул — словно с крыши головой вниз бросился. — Вот, гляди, Митрофан...

Он расправил свою бумажку поверх государственных документов секретной важности, и она на поверку оказалась корявым подобием чертежа то ли улья, то ли вертолета, то ли велосипедного насоса.

— Это чего у тебя такое? — озадаченно нахмурился Граненыч.

— Это не у меня, это зять мой Семен-кузнец придумал сотоварищи. А называется сие явление... называется... — Данила подслеповато прищурился, разбирая неровные буквы, выведенные рукой, больше привыкшей к молоту, нежели к перу.

— Называется оно «Паровой самострел каменными ли, железными ли ядрами на изрядное расстояние с большой разрушительно-поражающей силой, пробивающей бревенчатую стену наскрозь на едреную феню ко всем... ко всем... то есть, в... э-э-э...».

Шорник замялся, сдавлено кашлянул в кулак пару раз, и поднял полный мольбы взгляд на кума:

— Дальше три строчки техничких терминов... и совсем неразборчиво...

⁶ Государственный герб на спинке этого стула рассеянно вырезал перочинным ножиком вчера вечером сам Граненыч, пока размышлял о стратегическом.

— Бревенчатую стену?.. — только и смог задать вопрос князь перед лицом настолько полного описания изобретения.

— Ага, — слегка расслабился и довольно кивнул Данила. — Когда он с дружками своими эту оружию испытывал, она у них кузню наскрозь прострелила — там теперь у них окно. В полуметре от земли. Хорошо хоть, что пустошь рядом — снаряд железный в нее зарылся аж на метру. А ежели бы изба чья была по соседству... Греха не обрались бы.

— Прямо-таки насквозь? — недоверчиво прищурился и вытянул шею князь, разглядывая чумазую бумажку с новым уважением.

— Наскрозь, — лихо рубанул ребром ладони воздух кум, — сам видел. То есть, просто на... то есть, ко всем... в смысле, в... э-э-э... ну, ты понял.

— Ну-ка, ну-ка, — загорелись глаза у Митрохи. — давай-ка поподробнее. Что оно из себя такое? Что-то на чертежике на твоём он какой-то странный...

— Самострел вот обычный знаешь? — с азартом принялся объяснять Данила.

— Знаю, — уверенно кивнул Граненых.

Не далее как полчаса назад он отдал распоряжение о ремонте старых пяти машин, напоминающих арбалет на колесах и стреляющих заостренными бревнами, и сооружении трех десятков новых машин, десять из них калибра более трехсот пятидесяти миллиметров, и все это в недельный срок. И сейчас уголком мозга, не занятого распределением гарнизона, раздумывал, не перестать ли делать у бревен-снарядов заостренные концы: сдавалось ему, что от бревна, жизнерадостно прыгающего по стану врага, пользы (то есть, вреда) будет больше, чем от такого же бревна, но угрюмо воткнувшегося в землю на месте приземления.⁷

— Ну так он на обычный самострел совсем не похож, — заговорщицки оглянулся и понизил голос бывший шорник. — Семен говорит, что такого еще никто никогда до них не придумывал, что они с парнями первые. И что для обороны города его оружия — как ложка к обеду. Короче, приходил бы ты сам, кум, сегодня, да посмотрел бы: ежели он тебе глянется, то к подходу Костеевой армии таких несколько штук понаделать бы можно было, и милого друга-то с оркестром встретить. А? Как ты?

— Приеду, — не раздумывая, пообещал Митроха. — Сейчас они у тебя чем занимаются?

— У себя в кузне ковыряются с железяками, наверное, чем же еще, — пожал плечами Гвоздев. — Поди, еще какой подвох костяному царю затевают. У них на это дело голова двадцать четыре часа в сутки хорошо работает, так пусть теперь лучше супостат от них пострадает, чем соседи.

— Ну так давай прямо сейчас к ним и заявимся, пока светло, — отложил карты в долгий ящик и убрал его в шкаф руководитель обороны Лукоморска.

— А давай!.. — тюкнул кулаком по столу его кум.

— Эй, Сашка! — гаркнул удивительным для такой тщедушной фигуры басом Граненых, вызывая лакея. — Дежурную карету прикажи подать к главному входу через пятнадцать минут — мы в город на испытания, и заодно как продвигаются земляные работы поглядим! Засветло обратно не ждите!..

Кузница зятя полковника Гвоздева располагалась на самой окраине Соловьевской слободы, более известной среди лукоморцев как Соловьевка, что между Соколовкой и Воробьевкой. Испокон веков селились в ней мастера по железу, меди, олову и прочим не слишком благородным, но жизненно необходимым, как и ее обитатели, металлам и сплавам.

Семен Соловьев был потомственный кузнец в неизвестно каком колене, десятый и последний сын в семье. Если бы его предки бросили ковать и взяли на себя непосильный

⁷ Граненых не мог знать, что его изобретение через сто лет будет запрещено к применению специальным эдиктом международной конвенции как противоречащее идеям гуманизма осаждающей стороны.

труд записать свою родословную, то Яриковичи, Синеусовичи и Труворовичи — три самых древних боярских рода Лукоморья, ведущие счисление срока своей службы государству от легендарных братьев-основателей Лукоморска — рядом с ними показались бы Иванами, не помнящими родства.

В детстве Сёмка сотоварищи — с сыновьями таких же мастеровых, как его отец и дядя, и по совместительству однофамильцами, как почти все жители Соловьёвки — в свободное от учебы в кузне и в воскресной школе⁸ время умудрялись творить соседям этикие каверзы, что их компанию иначе, как соловьи-разбойники, и не называли. Попавший в зону особого внимания озорников люд каждый день, как на работу, ходил жаловаться к родителям верховода — здоровяка Сёмки. Тому, естественно, влетало, но обычно как влетало, так и вылетало, и через день все повторялось сызнова. Когда Сёмке Соловьёву исполнилось, наконец, шестнадцать, и его энергия мощным нескончаемым потоком устремилась в другое русло,⁹ вся слобода от счастья беспробудно пила неделю. Теперь же Семен был человеком солидным, женатым, со своей кузней, полной коллег и подмастерьев, но слободские нет-нет да и припомнят полноценному члену общества его боевое прошлое.

Некоторые даже со смехом.¹⁰

Таков был изобретатель парового самострела высокой поражающей силы, на порог мастерской которого сейчас ступили его тесть Данила и князь Граненыч.

В полумраке кузницы, освещаемой лишь засыпающими углями в трех горнах да тройкой окон,¹¹ пятеро чумазых парней оторвались от работы и недовольно глянули на вошедших.

— Некогда нам сейчас, приходите завтра, — сердито бросил самый здоровый из них, щурясь на яркий дневной свет и прикрывая глаза замотанной грязной тряпкой рукой.

— Это я, Семен, — отозвался полковник. — Привел кума Митрофана вашу оружию посмотреть.

— Правда?!.. — мгновенно расцвел говорящий и резко выпрямился, растирая двухпудовым кулаком затекшую поясницу. — Проходите, Митрофан Гра... Гаврилыч, то есть, знакомьтесь: это мои товарищи Степка Соловьёв, Петруха Соловьёв, Серега Соловьёв и Андрейка Соловьёв, фамилии, глядите, не перепутайте. Данила Прохорыч вам нашу документацию уже показывал?

— Документацию показывал, — степенно кивнул Митроха. — Теперь вы свой самострел живьем покажите. Это от него дыра, кстати? — он кивнул в сторону зияющего отверстия на месте выбитого бревна в стене у двери.

— От него, сердешного, — гордо заулыбались кузнецы. — Это мы давление передавили, не рассчитали маленько. Вот умора была-то!..

— Не сомневаюсь, — ухмыльнулся Граненыч и, заложив руки за спину, неторопливо прошелся по семенной кузнице.

Между двух старых окон стоял неказистый, но ровный стол, над которым висела многоэтажная полка, забитая вперемешку берестяными грамотами и листами дешевой бумаги, исчерченные и исписанные корявым кузнецким почерком.

⁸ Школы, посещаемой учениками по воскресеньям, потому что в другие дни недели они работали, и пустяками, вроде изучения логарифмов или доказательств теорем, заниматься было некогда.

⁹ Один из бездетных дядьев отписал ему свою кузню, и теперь Сёмке была предоставлена полная возможность показать всем, что он способен не только механические трещотки в дымоходы соседям подвешивать, да заводных лягушек бабам в сметану бросать.

¹⁰ В основном те, до которых не достали длинные руки малолетнего изобретателя-рецидивиста.

¹¹ Два пошире — в дальней стене на уровне человеческой груди и одно поуже — рядом с дверью, на уровне коленок.

— А тут у тебя что за художества? — Граненыч с любопытством вытянул из кипы один лист бересты и принялся разглядывать изображение телеги с одним колесом овальной формы.

— Это-то?.. — Семен заглянул через плечо гостя и протянул: — А-а... Это... Это тоже докуменция наша. До чего докумекали, то есть. Тут, к примеру, мы сочинили, как сделать телегу, которая в грязи бы не застревала.

— Это как? — непонимающе нахмурился Митроха.

— Надо на оба колеса такую дорожку надеть широкую, — пристроился с другого бока с пояснениями Петруха, — она вязнуть и перестанет. Ну и колеса, ясен пень, другой формы для нее нужны будут. Только мы еще такую не делали — не до того как-то.

— Хитро-о, — уважительно показал головой Граненыч и поднял с пола еще один лист — уже бумажный. — Ну а это что?

— Это... — подтянулись и остальные мастера, позабыв на время про самострел. — Это мы думали, как передвижную катапульту сделать, чтоб она по полю боя могла туда-сюда кататься и врага разить.

— И как?

— А вот глядите, Митрофан Гра...врилыч... Лошадь-тяжеловоз, или две, ставится сзади в особой упряжи и не тянет, а толкает катапульту на колесах, — ткнул черным от грязи пальцем, оставляя очередной отпечаток на и без того чумазом листке Степка.

— Вокруг них всех крепится ограждение из досок, обитых кольчугой с пластинами — защита от стрел и копий, — гордо подхватил Серега.

— Всё — тоже на колесах, — не преминул указать Андрейка.

— А вот это — маленькая колесничка для коногона, — продолжил Степка. — А тут, стало быть, площадка для стрелков...

— А вдоль стен — карманы с припасами, — гордо закончил рассказ Андрейка.

— А стреляет она у вас чем? — после недолгого молчания спохватился Граненыч и задал самый главный вопрос впечатленный и уже начинающий прикидывать, при каких видах боевых действий такое чудо современной техники можно применить.

Перед его мысленным взором промелькнула бесконечная череда древних стратегов и тактиков, с зелеными, перекошенными от зависти физиономиями и клочьями вырванных волос в судорожно сведенных кулаках...

— Стрелять она может хоть чем, чего зарядишь, того и выстрелит, но мы-то хотим помозговать с горючей смесью... — смущенно потупился Семен.

— Но пока получается пень через плетень, — вздохнул Андрейка. — У меня сарайку уже пожгли, у Степки — кладовку подпалили, едва землей закидали... Его мать нас чуть в той земле не зарыла, как узнала, что у ней там три штуки сукна сгорели, шерсти мешок и прялка новая...

— Да... тут щепетильная работа нужна... — озабоченно кивнул Серега.

— А еще?.. — не веря своему счастью, затаив дыхание, чтобы не сглазить, как бы походя, поинтересовался главком обкома. — Еще у вас таких... придумок... есть?..

— Да вон вся полка именами забита, — махнул рукой Петруха.

— И у меня в дровянике, в старом коробе, целый ворох лежит, — припомнил Семен. — Если мамка на растопку не извела.

— Как — извела?.. — голос Митрохи дрогнул.

— Да не-е... лежит еще, поди... я его под стропила упрятал, — поспешил успокоить высокого гостя кузнец.

— Ну смотри, ежели припрятал... Это хорошо... что ворох... — помял пальцами небритый подбородок Граненыч, и глаза его при этом горели не хуже своенравной смеси

друзей-изобретателей. — Значит, давайте договоримся, мужики: как вы еще чего для армии сочините, так сразу ко мне, сами, лично, со своей... документацией... Лады?

— Как ведь скажете, дядя Митрофан, — довольно ухмыляясь, ударили по рукам хозяин кузницы и князь. — Нам ведь только надёжу подай — мы вам такого насочиняем, такого сотворим!..

— Уж это-то вы можете, — снова припоминая не такое уж далекое прошлое, хмыкнул позабытый на время Данила. — Вы сначала с этой оружией разберитесь, орлы.

— А вот сейчас и разберемся! — заулыбались и кузнецы.

— Айда, мужики, тащи самострел на улицу! — радостно скомандовал Семен, и четыре мастера, крихтя, оторвали от пола толстенное бревно и поволокли на свет Божий.

Сам Данилин зять сгреб с верстака кучу каких-то деревяшек, прихватил из корзины несколько мячиков, на поверку оказавшихся железными ядрами, зачерпнул из горна совком кучу углей и присоединился к друзьям, уже поджидавших его под навесом в обществе князя, полковника и уложенного на козлы и коварно притворяющегося простым бревном парового самострела.

— Говори ты, Сёмка, — переглянулись и устремили взгляды на хозяина кузни парни.

— Ну, я так я, — пожал необъятными плечами тот и начал презентацию.

Если бы его попросили сказать речь или рассказать что-нибудь интересное,¹² он бы долго и мучительно стоял и мялся, экал и мэкал, пока слушатели не пожалели бы его и не прогнали гнилыми помидорами. Но сейчас дело касалось его любимого детища, его нового изобретения, сделанного специально для защиты родного города, и простые, сложные и вовсе головоломные слова лились из кузнеца полноводной рекой, как песня из его лесного тезки — соловья.

Идея, в общем, была проста, как все гениальное: бралось бревно диаметром в полметра и длиной метра в два, оковывалось железными обручами — для крепости, как пояснил Семен — и вдоль ствола по центру просверливалось сужающееся к дальнему концу бревна сквозное отверстие. Далее на этот конец насаживался и плотно закреплялся огромный толстенный кособокий железный котел особой конструкции, куда заливалась вода. Потом в ствол до упора проталкивалось ядро, фиксировалось длинным брусом, который, в свою очередь, упирался в поперечный стопорный брус, прибивающийся к спилу. После чего под железной частью разводился большой костер.

— А дальше что? — вопрошающе качнул головой Митроха в сторону самострела.

— А дальше стоим и ждем, значит, — развел руками Семен и лукаво подмигнул друзьям.

Ждать пришлось недолго: через несколько минут вода в котле забулькала, закипела, забурлила, раздался грохот, длинный брус вылетел из отверстия, разбив пополам тонкий стопорный брус, и мимо так и не успевшей ничего понять приемной комиссии в мгновение ока просвистело нечто...

Изба на противоположном краю пустыря — метрах в ста от паровой оружейи — содрогнулась от удара чего-то незримого, но свирепого, подпрыгнула всеми своими престарелыми бревнышками, и с крыши, как сходящий по весне снежный пласт, на землю съехала вся солома вместе с трубой и стропилами.

Кузнецы зажмурились, закрыли головы руками, присели...

На долгие секунды в округе воцарилась звенящая тишина, разорванная на счет «пять» протяжным истуπленным воплем хозяев пострадавшей во имя оборонной промышленности избы: «СОЛОВЬЕВЫ!!!».

¹² Не связанное с металлообработкой.

Земляные работы, хоть и продвигавшиеся успешно, в тот день удостоились лишь беглого взгляда руководителя обороны Лукоморска. Все его внимание было приковано к новому оружию возмездия, названному увеличившимся от гордости на три размера Семеном в честь жены «Аленушкой».

Для более пристрастных полевых испытаний и во избежание преждевременного массового поражения мирных граждан, и без того уже жаждущих Семеновой крови или Семеновых денег,¹³ «Аленушка» была погружена в карету Митрохи и вывезена на равнину перед Вондерландскими воротами вместе с недельным запасом дров, бочкой воды, козлами и тремя ведрами ядер.

Семеро энтузиастов увлеченно экспериментировали с объемом жидкого топлива, как гордо предложил именовать воду Андрейка, толщиной упорного бруса и интенсивностью сгорания топлива органического (известного в простом народе как дрова), замеряя дальность полета ядер и толщину пробиваемых ими препятствий, пока подгоревшая задняя ножка хронически перегруженных козел без предупреждения не подломилась, и шальное ядро не улетело на дорогу и не зарылось с зловещим свистом перед парой лошадей, тянувших тяжелую карету с вычурным гербом на дверцах.

Кони взвизгнули, попятились и встали на дыбы, одетые с иголки лакеи свалились с запяток в пыль, местами переходящую в грязь,¹⁴ и самоотверженному кучеру стоило большого труда и вывихнутой руки убедить своих подопечных, что опасность миновала.

То, что это оказалась карета боярина Никодима, сердечности в отношении двух аристократов отнюдь не прибавило.

Обвинив Граненыча в самой злонамеренной попытке убрать конкурента с дороги,¹⁵ боярин яростно оттолкнул лакея, истекающего грязью из последней, после ливня недельной давности, лужи и вернулся в свою карету, выкрикивая что-то невразумительное, но чрезвычайно сердитое. С размаху бухнувшись на сиденье — только рессоры закрипели — он хлопнул дверцей так, что она сорвалась с петель,¹⁶ а пара вороных, едва оправившихся от пережитого шока, без дополнительной стимуляции рванула с места вскачь. За ней галопом помчались лакеи.

Туда, где секунду назад еще стояло семейное транспортное средство Труворовичей, попирая все теории вероятности, упало еще одно ядро, после чего огромный котел разорвало.

Испытателей отбросило в сухую траву и осыпало каплями кипятка и искореженными останками казенной части паровой оружей.

— С завтрашнего дня заказываем для обороны Лукоморска десять... нет, двадцать штук! — было первым, что произнес восхищенный Граненыч после того, как друзья-изобретатели разыскали его в кустах сирени и извлекли на белый, хоть и быстро сереющий, свет. — Вот ты какое — оружие будущего!..

¹³ Получили твердое обещание направить крышу сразу, как вернутся и успокоились. Соловьи-разбойники свои обещания на ветер не бросали.

¹⁴ Лукоморские дороги, подобно абстрактному, изучаемому в школах знахарей веществу, имели свои три состояния: «пыльно», «грязно» и «снежные заносы». На данный момент наблюдался безрадостный феномен их перехода из одного состояния в другое.

¹⁵ В каком смысле — кипящий и готовый сам стрелять ядрами на двести метров Никодим не уточнил.

¹⁶ Всю оставшуюся дорогу до своих палат разъяренному князю Никодиму пришлось держать ее обеими руками за ручку, чтобы она оставалась на месте.

* * *

Отъехав¹⁷ на несколько километров от заповедной зоны горячих источников, отряд по сигналу Иванушки остановился.

— Что случилось? Забыли что? — страдальчески скривился специалист по волшебным наукам, сползая на твердую сухую землю со своего непарнокопытного орудия пытки и опускаясь рядом с ним безвольной жалкой кучей. — Только не говори, что нам надо вернуться... Я этого не переживу... Я же говорил... Близок мой смертный час... Да, на моей совести много прегрешений, но среди них нет ни одного настолько отвратительного, что оправдывало бы такой изуверский способ свести со мной счеты... Куда мы теперь двинемся? В Узамбар?.. В Вамаяси?.. В Нень Чупецкую?..

— Нет-нет, Агафон, ты что... Всё не так плохо...

— А как?..

— ...Просто нам надо определиться, куда мы сейчас направимся, — ответил Иван и задумчиво сдвинул брови. — Я тут думал-думал...

— А разве мы едем не в Лукоморье? — вопросительно взглянул на него снизу вверх Агафон, и пронзительное страдание запечатлело свой безобразный след на его и без того не безмятежном челе. — Царевна ведь сбежала, если верить демону? И если у нее есть хоть капля мозгов, то побежала она домой, так? Значит, наша главная теперь забота — встретиться с ней до того, как Костей осадит вашу столицу, как сказал Конро?.. Так какие сомнения по поводу маршрута, Иван?

— Так-то оно так, но только, если я правильно помню карту, это — Голодная степь, — обвел для наглядности широким жестом окружающий пейзаж¹⁸ царевич. — На севере у нас леса южной окраины царства Костей. Непроходимые, если я ничего не путаю. Мы их по географии в прошлом году проходили...

— Как же вы их проходили, если они непроходимые? — брюзгливо брякнул измученный и посему раздраженный всем на свете чародей и тут же получил от деда Зимаря укоряющий взгляд слезящихся красных глаз и неодобрительный чих.

— Шутник... — покачал головой он, и маг с видом «это не я, это кто-то другой» воздел очи горе и автоматически, в сотый раз за утро, пробормотал: «Будь здоров».

Иван, слишком погруженный в свои привычно невеселые мысли, пропустил вопрос самозваного юмориста мимо ушей, поддержал его в пожелании здоровья старику и озабоченно продолжал:

— ...Поэтому мы или должны найти проводника, или нам придется огибать этот лес, и мы потеряем Бог знает сколько времени.

— А далеко ли еще до леса, Иван-царевич? — прогудел в нос дед Зимарь.

— Может, день пути, может, меньше, — неуверенно предположил лукоморец. — Даже и не знаю... Мы тогда на Масдае, когда от дождя убегали, наверное, полстепи вихрем пролетели и не заметили, только ветер в ушах свистел, ну я немного и сбился...

И тут вдруг жизнь вернулась в глаза Агафона, румянец — на щеки, а радостная улыбка — на изможденное тремя часами в седле лицо.

— Только что сию минуту меня посетила гениальная мысль, — торжественно и загадочно объявил он во всеуслышание и сделал театральную паузу, привлекая внимание даже молчаливой охраны царевича.

¹⁷ В случае умунов — отбежав.

¹⁸ Вернее, его однообразное отсутствие.

Дождавшись от Иванушки нетерпеливого вопроса касательно предмета его нехарактерного озарения, он гордо обвел всех взглядом и сообщил:

— Я предлагаю, когда мы доберемся до этого вашего леса, развести огонь и высушить ковер.

— Но Масдай промок почти насквозь, и чтобы его полностью просушить, потребуется... — с сомнением начал было Иван, но чародей, отменяя все возражения на корню, из последних сил приподнялся над уровнем ковыля, вскинул к нему дрожащие от многочасового стискивания луки седла руки¹⁹ — зрелище, способное выдавить слезу и не у такой чувствительной натуры, как Иван — и, возвысив голос, продолжал:

— И пусть мы потеряем даже день или два, но если мы будем пробираться сквозь чащу на этих чудовищах, — он с лютой неприязнью кивнул на любезно предоставленных мурзой коней,²⁰ — да еще и заблудимся, то можем вообще остаться там зимовать!

— Хм... — почесал в затылке Иван и покачал головой: — А ведь это и впрямь хорошая идея, Агафон! Ну же, давай, забирайся в седло, прибавим ходу: надо торопиться!

Из груди специалиста по волшебным наукам вырвался полный невыносимой муки стон.

— Дело говоришь, чародей, — дед Зимарь одобрительно закивал головой и тут же с хрипом закашлялся.

— Дедушка, а вы как себя чувствуете? — тревожно нахмурился царевич.

— В смысле, плохо или очень плохо? — попытался пошутить старик. — До леса продержусь, не помру, не волнуйся, милый. А там, пока Масдая сушим, глядишь, отлежусь потихоньку, да травку какую поищу, корешок али кору — глядишь, получает...

Иван вздохнул, недоверчиво покачал головой, но не сказал ничего.

Других вариантов пока просто не было.

Края леса — частого, но прозрачного подлеска, уже потерявшего свою листву — они достигли только вечером, когда почти полностью стемнело, и если бы четверо умрунов внезапным спринтерским рывком не обогнали коней и не схватили их под уздцы, то вся кавалькада наломала бы немало дров.

Дрова на костер, тем не менее, рубить все равно пришлось, но отряд из пятнадцати мощных бойцов справился с этим заданием играючи, и через десять минут на краю леса было навалено столько топливного материала, что с лихвой хватило бы на две ночи, и даже с половиною.

Иван зажег огонь, в который раз вспоминая добрым словом супружницу, научившую его этому нехитрому трюку во время их летнего турне по Забугорью, скользнул взглядом по рядам своих спутников (исключая умрунов, как лиц полностью не заинтересованных) и пришел к довольно предсказуемому выводу, что ужин сегодня готовить придется тоже ему.

Дед Зимарь уже лежал у костра, накрывшись Масдаем, мелко дрожал и тихонько покашливал, а Агафон... Агафон в этот раз даже не сполз — стек со своего кривоногого иноходца сразу же, как только стальная рука умруна остановила удивленного конягу. И теперь специалист по волшебным наукам лежал на траве, едва прикрытой опавшими листьями, и горестно, с надрывом, стонал, проклиная тот день и час, когда на белый свет появился этот конь, это седло, эта степь, дождь, который промочил Масдая, и, наконец, он сам.

Ужин — так ужин...

Царевич порезал хлеб, эстетично разложил на тряпице вяленую конину и конский сыр, выудил из другого заплочного мешка подозрительно хлюпающий, мягкий и истекающий

¹⁹ Ни у Иванушки, ни у деда Зимаря не нашлось достаточно доводов, чтобы убедить несчастного мага, что лука седла предназначена не для этого.

²⁰ Кони ответили ему тем же.

красным мешочек поменьше, осторожно заглянул в него, пришел к выводу, что помидоры, конечно, лучше бы выбросить, но тогда вся их трапеза застрянет поперек горла, и томатам с подмоченной репутацией по этому случаю вышла амнистия.

Закончив приготовления, Иванушка позвал к столу деда, Агафона и, на всякий случай, умрунов, но, к своему удивлению, хоть и не слишком великому, от всех приглашенных получил отказ. Дед Зимарь чувствовал себя совсем неважно и хотел посидеть, а лучше полежать просто так, грея руки у огня; маг агонизировал, и есть ему было некогда, а умрунам еда была просто не нужна, хотя, по настоянию Ивана, они и расположились вокруг костра.

Слегка разочарованный всё же лукоморец пожевал в одиночестве хлеба с сыром, умудрился отгрызть уголок размером с березовый листик от своего куска конины,²¹ из соображений гуманности через не могу доел все шесть раздавленных помидоров, запил всё водой из фляги и вдруг пришел к выводу, что если через минуту он не уснет, то через полторы минуты непременно умрет.

Но оставалось сделать еще кое-что.

Вернее, сказать.

— Извините, я должен был сказать это сразу, но как-то не до того было... — проговорил он, обводя взглядом лица своих немногословных стражей, останавливаясь хоть на мгновение на каждом. — Я хочу сказать вам спасибо за то, что вы остановили вовремя наших коней.

Умруны недоуменно нахмурились и переглянулись.

— Не... за... что?.. — неуверенно проговорил в ответ один из них, словно вспоминая сложный, полузабытый урок иностранного языка. И тут же добавил: — Ваше превосходительство.

— Да как это — «не за что»? — удивился Иван, запахивая поплотнее бурку и произвольно ежась — то ли от ночного холода, то ли от перешедшего в финальную стадию наступления сна. — Если бы не вы, кони могли поломать деревья и пораниться, и мы тоже... А еще мы не поблагодарили вас за ваше весьма своевременное появление в стане кочевников. Вы спасли всем нам жизнь. Конечно, это звучит чересчур высокопарно... Но это ведь правда! И мы все вам очень благодарны. И я, и дед Зимарь, и... — он искал глазами, но не нашел вокруг ничего агафоподобного, но беспокоиться не стал, так как услышал мученический голос, жалобно обращающийся к быстро темнеющим небесам, откуда-то из-за спины старика, с самой земли. — И наш волшебник тоже присоединяется... я уверен... Спасибо вам.

Умруны молчали, сидя неподвижно и глядя на пламя, и лишь шустрые отблески костра металась по их непроницаемым лицам.

Иванушка смутился, подумал, что он что-нибудь не так сказал или обидел их ненароком — кто знает, что может обидеть живых мертвецов, если вообще есть на Белом Свете такая вещь, и, чтобы скрыть неловкость, поспешно проговорил:

— Я видел, в бою с кочевниками вы были ранены... У одного из вас даже... кинжал... — он изобразил инструмент убийства и сам процесс протыкания замысловатым, но неопределенным жестом, пробежал глазами по черным кожаным нагрудникам умрунов, но оружия, оставленного накануне Рашидом в груди его освободителя, видно не было.

Впрочем, как невозможно было сказать, кто, собственно, из них его избавитель — отличить одного умруна от другого было так же просто, как одну каплю воды от другой.

— Может, вам нужна помощь?.. — еще более растерянно закончил царевич. — Если вам нужны бинты... То есть у нас их, по-моему, конечно, нет, но можно что-то придумать, я уверен... Я видел, в мешке была иголка с нитками... Зелеными... Можно зашить раны... Или что вы делаете в таких случаях?..

²¹ На большее не хватило ни сил, ни терпения, ни зубов.

Умрун слева повернулся к Ивану и задрал разорванный рукав куртки: под ним, от запястья до сгиба локтя, руку прочерчивал четкий, черный, словно нарисованный чернилами, тонкий шрам.

— Это — утрешний след от кинжала кочевника, — ровным голосом проговорил умрун, словно показывал не собственную часть тела, а ствол дерева. — Наши раны затягиваются сами по себе, ваше превосходительство. Остается только такая полоса. Не думайте о нас.

Иванушка поморщился, словно это его руку располосовал нож какого-нибудь Керима или Ильхама, и взглянул умруну в лицо:

— Тогда можете взять нитки, чтобы зашить одежду... Только они всё ещё зеленые...

— Будет исполнено, ваше превосходительство, — отчеканили суровым хором умруны.

— И не называйте меня, пожалуйста, «ваше превосходительство», — покачал головой царевич. — Зовите меня просто Иваном.

— Будет исполнено, ва... Иван.

— Вот так-то лучше, — слабо улыбнулся лукоморец. — Кстати... я всё хотел вас спросить... А как вас зовут?

— «Эй, ты, иди сюда», — без промедления и гораздо более уверенно ответил другой умрун, слева от него. — И добавляют номер того, кого зовут, ва... Иван. Вот видишь: у каждого на рукаве нашит его номер.

— Нет, я не про это, — отмахнулся Иванушка. — Я спрашиваю ваши имена.

— А-а, — понимающе кивнул умрун. — Имена. Меня зовут Первый. Его — Второй. Это вот — Третий. Тот...

— Да нет же! — нетерпеливо замотал головой царевич. — Не цифры! Имена! Я спрашиваю ваши имена, понимаете?.. Вот я, к примеру, Иван. Он — Агафон. Дедушку звать Зимарь. Ковер — Масдай. А вас?

Умрун напрягся, взгляд его стал оловянным, тупым, и он пустым голосом повторил:

— Меня зовут Первый. Его — Второй. Его — Третий. Того...

— Но «Первый» — это не имя, это порядковый номер!..

Он не договорил, пристыжено замолк, вспомнив, что рассказывал ему волшебник о том, как появляются на свет умруны, и, помолчав, осторожно подбирая слова, спросил:

— Ты... не помнишь... кем ты был... до того... как стал... солдатом?..

Умрун наморщил лоб и поджал губы, честно пытаюсь припомнить, но через минуту виновато взглянул на лукоморца:

— Нет... Не помню... До того, как я стал гвардейцем его величества царя Костей, не было ничего. Сержант Юркий учил нас, что имена бывают у людей. У умрунов — только номера. Умрун — никто. Он создан, чтобы служить его величеству царю Костей. Наша жизнь — его жизнь.

— Кстати, о царе, — сипло присоединился к разговору дед Зимарь. — Это он приказал вам защищать царевича Ивана?

— Никак нет, — отчеканил Первый, довольный, что ему, наконец-то, задали прямой и понятный вопрос, и удовлетворенно замолк.

Видя, что объяснения не следуют, лукоморец спросил сам:

— А кто?

— Жена его величества царя Костей ее величество царица Елена Прекрасная, Иван, — с готовностью отрапортовал умрун.

— Кто?!..

Умрун повторил.

— Елена Прекрасная?.. — беспомощно переспросил Иванушка, словно всё еще надеялся, что недопонял, или умрун что-то путает. — Елена Прекрасная?.. Но... Она же... Или ее уже тоже... пока мы... то есть, я...

— С чего ты взял, что это именно она? Может, в мире есть несколько Елен с таким прозвищем? — впервые за вечер перестал стонать и высказал резонное предположение маг.

— Может... Не знаю... Но про других я никогда не слышал... — забормотал ошарашенный лукоморец. — А если нет?.. Какое дело неизвестной мне Елене Прекрасной до неизвестного ей меня? Нет, должно быть, это Васина жена! Но если Костей похитил и ее?.. Что же это тогда получается?..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.